

Я еще застал время, когда излишнее внимание к быту было предосудительным. Высмеивали мещан, обывателей, тех, кто любовно обустроивал свою квартиру. Наиболее рьяные обличители объявили их даже источником всех социальных бед.

Александр Семенович Кушнер помог освободиться от установки неприятия быта. Якобы уютный быт мог удержать человека от духовных стремлений, а дальние дороги, наоборот, могли в этом помочь. Я полюбил и Визбора, и Якушеву: «Милая моя, солнышко лесное», «Ты – моё дыхание». Но я странным образом (а может быть, естественным) совместил любовь к путешествиям и к родному углу.

Так же, как храня верность завету «возьмемся за руки, друзья», вполне совместил это с романтизмом Гумилёва – независимым, одиноким.

Хочется рассказать, что чувствовал раньше. Но ощутить заново то, что восхищало, волновало – теперь не получится. Вот задача: восстановить, **что** именно и **как** именно волновало. В мои сегодняшние годы главным инструментом переживания стала память. Именно она выстраивает картины в сновидениях. Никто не сравнится в русской поэзии с есенинской живописностью, но никто не мешает держать ее ориентиром.

Ну а самое главное для меня сегодня, чтобы эти стихи не стали изобретенными, головными. Ведь тогда и эмоции будут придуманные, не органичные.

* * *

Августу 1968-го

Вновь во сне своенравная эта река.
Рядом с нашей стоянкой шумит пережат.

И опять и урчит, и бормочет Казыр,
повторяя нам, скажем для рифмы, азы,
а вообще-то напоминая:
это время прекрасное, помни его,
может, лучше не будет вообще ничего.
Может, так – я и вправду не знаю.

Эти дни, когда небо сияло, когда
Невозвратно летела, сверкала вода
Чудно, невыносимо сверкала!
Я проснулся и понял, что сердце во сне
Побывало в немыслимой той стороне,
Где остались высокие скалы.

.

И трепещет как там поутру
Трепетала листва на ветру.

* * *

И странное чувство меня опять
не в первый раз посетило,
когда покажется: время вспять
отправилось, поворотило.

Туда, где вешней траве сродни
в те дивно юные годы
мы вслух читали «Труды и дни»
мудрого Гесиода.

И где луна глядела в окно,
чему не мог помешать я
и было ей увидеть дано
нагие наши объятья.

Я тоже вижу, но вот беда –
в размытом, неверном свете.
Похоже, *там* уже никогда
и никого не встретить.

Звучат какие-то голоса
то ближе, то глуше, тише,
мне незнакомые, я и сам
уже не хочу их слышать.

И этих песен я не пою,
и эти не знаю лица,
и никого там не узнаю,
и значит: пора возвратиться.
2018- апрель 2019

В 2016-м я был гостем в семье моего бывшего ученика из деревни Монастырка. Уже много лет Юра и Эмма – граждане Германии. Марбург был в числе городов, которые мои друзья решили мне показать. Они знали, что их гость любит Пастернака и знали, что в этом городе есть улица, которую назвали его именем. Здесь, на окраине, он снимал комнату, Добираться до университета далеко. Пастернак в своей прозе написал, что город почти не изменился со времен учившегося здесь Ломоносова. Похоже, он таков и сегодня. Англо-американские бомбардировки обошли его стороной – здесь не было военных объектов. С высоты открывается замечательный вид на сотни черепичных крыш. А внизу, на такой же старинной площади, мы зашли в кафе. Здесь, пока мы ждали, когда подадут кофе, на меня внимательно смотрел большой сенбернар. Я попросил разрешения (в Германии без разрешения нельзя) сфотографироваться рядом с ним на память. Ничего я писать не собирался, но вот в феврале этого года как-то само собой в два дня (редкий для меня случай) сочинилось стихотворение. Вот оно.

Марбург

Улица тихо взбирается в гору –
Это и есть Pasternakstrasse.
Это и есть тот самый город,
Где разыгрались такие страсти.
Камень лестниц, длинные шпильи.
Тут когда-то жил Ломоносов.
Весело вспомнить: и мы здесь пили

Кофе в память великих россов.
Время жить принуждает наспех.
Как удержать что дорого-мило?
Но засыпая, я вижу нас всех,
Даже Бориса и Михаила.

Я всегда хотел опираться на классическую традицию. И всегда понимал, понимаю: чтобы обрести новое качество, нужно традицию ломать, не пугаясь эклектики, небрежности, даже косноязычия. Вот этого мне было не дано. И теперь уже такого слома (пусть в хорошем смысле) не случится. Да, новое слово и новый образ могут быть смелыми, броскими, громкими — против старых и стертых. Но часто оказывалось, что за этими смелыми словами не было ничего, кроме звука.

Я остаюсь одним из прилежных учеников в школе русского традиционного стихосложения и традиционной эстетики.

Тут тоже есть над чем работать. Как важно для узнаваемости и неповторимости найти свою интонацию. Но она не явится сама собой, это результат большой работы. Но зато потом Мастер слова достигает такой достоверности интонации, что ты чувствуешь: он обращается именно к тебе. И это не кажется, так оно и есть. И я в своих опытах пытаюсь приблизиться к этому, насколько возможно, насколько в моих силах.

* * *

Ветер сдувает рубаху зноя,
облепившую тело,
и наступает время иное.
Прошное – отлетело.

Благостен день, неописуем,
длись, бездумная нота.
Ничего не прожито всуе,
всё это для чего-то.

Не напрягай напрасно извилин,
не умножай мороки.
Нас уже взвесили, раскроили,
нам отмерили сроки.

И наступает время иное –
прошное отлетело.
Время воздуха? перегноя?
Наше ли это дело...

Канет туда, откуда явилась
жизнь, что была легка мне:
да, я не отбывал повинность,
не перекачивал камни.

Не выматывался на пределе,
не торчал, где опасно.
Но, слава богу, был не при деле –
отлученным от паствы.

И наступает время благое
с новой, глядишь, удачей.

Будет неведомое другое.
Будет как-то иначе.
26.07.19

Вещи долговечнее людей. Вещи из повседневности вполне естественно и успешно становятся предметом поэзии, что доказал Кушнер. Недавно старая подруга подарила мне совершенно шикарный большого формата альбом для фотографий. Снимки там могут располагаться в заданной тобой композиции под прозрачной клеящейся пленкой. Когда я начал их размещать, пришли вот такие стихи.

СТАРЫЕ СНИМКИ

Я смакую медовые пряники
с молоком. Балдею от Пресли.
Вот мы тушим огонь не торфянике,
он опять за своё – хоть тресни.

Боря хвалится классными лапами.
Даст поплавать – не жмот, не жила.
Эта девушка смотрит ласково
и влюбленно. Ей-богу, было.

Вот в стаканах – кофе с цикорием.
Эти, с краю, грустны ребята.
Предстоит отчаливать вскоре им
не прощаясь и без возврата.

Спирт «Рояль». Ну так что ж: налей его.
Причастимся, друзья-собратья,
доброй памяти Менделеева.
Всех потом не смогу собрать я.

Даты, надписи полустертые.
Но как близко и рядом, Боже!
Все со мною – живые и мёртвые,
И сегодня живые всё же.

Снова возвращаешься к тому, что пытался понять в юности. Откуда этот интеллигентский комплекс вины перед народом? Да и сам-то я какой интеллигент? Не слишком ли возомнил о себе? А тогда, в былые времена, принято было считать, что народ лучше, мудрее, глубже этой межклассовой прослойки. Я еще застал фильмы, где старый рабочий терпеливо и ласково учит жизни образованного молодого человека, не умеющего понять ее глубинной тайны.

И только жизненный опыт позволил усомниться в наличии этой высшей мудрости. И постепенно показалось мне странным, что образованность не стала необходимым качеством вообще всякого нормального человека. Она как-то признана для народа не обязательной. Но ведь правда же, что ты находишь большее понимание с рабочим человеком, читающим Чехова, чем с тупицей, не желающим ничего знать о культуре. И творческое отношение к материальному труду вполне соотносимо с твоими творческими занятиями. Вот что сложилось на эту тему.

* * *

Борису Былину

В детстве виделось то, что у всех на виду,
Подросту – и другое придёт.
Вот открылись и мне на каком-то году
Всяких славных ремёсел люди.

Я любил глядеть, как у них в руках
обращались ветки в корзину,
и печально зная, что мне никак
сделать это невообразимо.

Как Петрович легко выбирал пазы
у звенящих брёвен сосновых
и как трудно мне давались азы,
эта плотницкая основа.

Ну да ясно: мы принадлежим
К разным стратам, различным кастам
Ни к чему прилежание, строгий режим –
Нет, не быть мне таким рукастым.

Но, подумать, ей-богу, совсем не беда.
Нужно только понять, кто к чему предназначен
Мастерам я и вправду завидую, да.
Но живу по-другому, иначе.

Мне всегда были чужды так называемые «лирические герои». Помню, на университетском лито благообразный первокурсник в приличном прикиде бодро читал: «Я прошел четыре моря, Пережил немало горя, Предо мной вставали скалы, И страшили их оскалы». Я расхохотался так, что самому стало неловко. Теперь, с годами, мне и подавно не нужны какие-то герои, которые будут говорить от первого лица. Нет, от первого лица буду говорить я сам и не должно быть никакого несоответствия между мной и стихотворением. И дальше между стихотворением и читателем. Так по крайней мере мне бы хотелось. И разгадывать ничего не надо.

* * *

Отчего же сегодня не быть тишине
содержанием целого дня?
Это дело хорошее, это по мне,
это всё в руках у меня.
Да, любил я когда-то словами сорить,
и совсем ни о чём говорить.
Но прошли эти глупости, эта пора
неизбежная, впрочем. Сейчас
я не тот, что вчера и слова – не игра.
Я теперь люблю помолчать.

* * *

Во сне мы были у реки.
Уже я знал: ты не живая,
и потому твоей руки
коснуться медлил, ожидая

почувствовать своей рукой
тот самый залетейский холод
над этой странною рекой
тягучей, тёмной, словно солод.

И что-то я тебе сказал,
и даже повторяю снова,
гляжу в холодные глаза,
и ты в ответ, в ответ – ни слова.

Твоей пугаюсь немоты,
и понимаю я внезапно,
я понимаю: видишь ты
моё неведомое завтра.

Но ты не скажешь...

июнь 2015

Вспомнить и остановить мгновение. Сейчас все они кажутся прекрасными, а ведь были вполне обыденными. Они прекрасны, потому что неповторимы. Читая жизнеописания больших людей, видишь там взятые вершины, провалы, короче, события. Оглядываясь назад на свою жизнь, отмечаешь, что всё там более-менее ровно, местами ямы, местами холмы, но в целом без особых катаклизмов. Однако с удовлетворением отмечаешь, что в том потоке повседневности надо было иногда делать свой серьезный выбор, и ты делал его правильно.

* * *

Стасу Божко

1.
Покладистей и покорней
учили нас быть когда-то
и всех с работы поперли
читателей самиздата.

Печально? Да ну, едва ли,
ведь наша молодость с нами:
рубил, пни корчевали
и ветки швыряли в пламя.

И что там ни говорили,
клеймили даже и крыли,
над нами «Аве, Мария»
свои расправляет крылья.

2.
Не ждали рая впереди,
и ни на что не уповали.
Рубаха, тесная в груди,
с подвёрнутыми рукавами.

Рука покуда не слаба,

топор – не мяч в Уимблдоне,
и утираешь пот со лба
обратной стороной ладони.

Но вот усталости волна
с рабочего уносит круга,
я слышу монологи друга,
завидую, ему дана

высокая небрежность речи
естественная, как дышать...
И нашей жизни скоротечность
не хочет принимать душа.

ПЛОЩАДЬ КИРОВА

*Памяти Володи Крамаренко
(Вальдемара Крамера)*

Забавная площадь, где справа налево
И слева направо идут трамваи.
Захочется ли среди их распева
И скрежета здесь посидеть? Едва ли.

И правда, кто же тебя неволит.
Но отчего я внезапно замер?
А это, знаешь, не оттого ли,
Что возникает перед глазами,

И утвердившись вполне, предстанет
Невзрачный дом под шиферной крышей.
Сейчас уже от него следа нет.
Да нет же, вот он – живет и дышит.

Встречай же, Крамер, товарищ старый,
Картошку ставь на плиту, а эту
Бутыль на стол. И давай к ней тару,
Врубай испытанную «Комету».

Приют наш был уже не избою,
А чуть ли не славным английским клобом.
И полупридуманные изгои –
Мы подражали высоколобым.

Но где звучали битлы, стаканы,
Где поминали тех, кто в опале,
Там расставляло время капканы,
Куда в итоге мы все попали.

Какие счета или обиды,
Когда скрежещут, поют трамваи?
А ты стоишь с потерянным видом,

Не сразу этот мир узнавая.
Октябрь 2021

Реальность мировой культуры, мне кажется, такой же источник для творчества, как реальность окружающей жизни. И можно представить ее такой же осязаемой, как повседневный предметный мир. И только для тех, кто хранит незамутненную самобытность, культура не только не нужна, но и вредна как помеха. Им легче без этой поклажи.

* * *

Андрею Бяликову

Беспечные барды – поэты,
Ваганты – веселые люди
Когда-то по белому свету
Бродили. Их больше не будет.

То время уже откололось
Как айсберг, растаять готово...
Но есть человеческий голос,
И есть сохраненное слово.

Какие волшебные вещи!
Как будто вернулись ваганты!
И вот уже слово трепещет,
Живёт на губах музыканта.

Стучат и поют тамбурины,
И звуки столетья забыли.
Для нас они были творимы,
И нам предназначены были!
Март

* * *

На вопрос, как дела у него,
Человек отвечал: «*Ничего.*
Только старость никак не проходит».
Так сказал, улыбаясь, Толстой.
Да вопрос-то и вправду простой,
Вроде как о семье, о погоде.

Я великому старцу вослед
Одолел много зим, много лет,
Оценил гениальность ответа.
Не проходит...А что, разве есть
Варианты какие-то здесь?
Все мы знаем, чем кончится это.

Последнее по времени стихотворение, которое кажется мне состоявшимся. Мне хотелось, чтобы его прочитал Кушнер, тем более, что то, о чем написано, происходило в тот август, когда мы с Глебом навестили мою дочь (его сводную сестру), навестили и Кушнера. Александр Семенович ответил на письмо, похвалил удачную картинку моря и побережья, отметил неудачную строку, я с ним сразу согласился, заменил.

ФИНСКИЙ ЗАЛИВ. 2018.

*Оллила – это финское имя поселка
В сорока километрах от Санкт-Петербурга.
Нынче Солнечное – вполне по-советски.
Но ей-богу, не в этом, не в этом дело.*

Дело в том, что когда оставив машину,
Хвойным мелким прошли перелеском,
Нам открылось и сердце растормошило
Море с его независимым плеском.

Здесь вошли в воду большие камни,
Часть осталась на полосе прибоя.
Так валуны и волны веками
В дружбе и споре между собою.

Это дюны? Давай назовем это дюны.
Как спокойны они и как величавы,
И бессмертны и, видимо, вечно юны.
Ах, какие банальности, боже правый.

Ну и пусть я пока побуду акыном,
Если слова нет точнее и ближе,
Если рядом дочь моя с моим сыном,
Я их вместе едва ли еще увижу.

Потому что уже схожу с круга,
Потому что взрослые мои дети
Далеко живут сейчас друг от друга...
Ну а впрочем чего не бывает на свете.

И летела собака краем залива,
Одурев от радости и свободы.
И как та собака я был счастливым...
Невозвратные прокатили годы.

Но и даже сейчас, наострив ухо,
В шуме крон своего сибирского бора
Различу известным цветным слухом
Плеск, сияние. Синюю даль простора.
18.02.2022